

А.В. Матвеев, О.М. Аношко

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: oKanoshko@yandex.ru

ОКТАБРЬСКИЙ РАСКОП В ТОБОЛЬСКЕ

Статья вводит в научный оборот материалы Октябрьского раскопа, расположенного в центральной части Троицкого мыса в г. Тобольске. Дана характеристика объекта с частоколом и подземным ходом, возведенного, по археологическим (планиграфическим и стратиграфическим) наблюдениям, радиоуглеродным, частично дендрохронологическим определениям, в XVII в. и функционировавшего до периода каменного строительства в этой части города. Анализ письменных и картографических источников позволил идентифицировать бревенчатую стену, исследованную на ул. Октябрьской, с остатками тюремного двора, показанного на ремезовских чертежах 1687, 1688, 1701 и 1714 гг.

Ключевые слова: Тобольск, верхний посад, XVII–XVIII вв., частокол, подземный ход, тюремный двор.

Введение

Археологические исследования культурного слоя Тобольска — главного города Сибири в период российской колонизации — дают материалы, которые не только находят соответствия в письменных источниках, но и позволяют уточнять, дополнять и даже корректировать их свидетельства. Историческая идентификация остатков сооружений и артефактов зависит от степени сохранности культурных отложений, пострадавших на отдельных участках первого сибирского губернского города от современной застройки, а также регулярно происходивших стихийных бедствий. На верхнем посаде — чаще всего после пожаров — старые поврежденные постройки сносились, что фиксируется многочисленными обгорелыми остатками строений, а на нижнем — после наводнений — осуществлялась утрамбовка грунта глиной, опилками и другими ненужными материалами. Тем не менее природные стихии, практически всегда упоминаемые в письменных источниках, являются надежным хронологическим маркером при атрибуции археологических данных.

В ходе раскопок при обнаружении объектов (остатков различного типа строений) проводятся их предварительная интерпретация и датирование на основе сопутствующих артефактов, планиграфических и стратиграфических наблюдений. В результате сравнительного анализа археологических, исторических, картографических и других данных могут выявиться противоречивые моменты при аргументации первоначального вывода, что влечет за собой поиск и доказательство новой версии в интерпретации археологических объектов. Такой ход событий сложился в процессе анализа мощного и глубоко врытого в землю бревенчатого частокола, исследованного в 2007 г. экспедицией Тюменского государственного университета под руководством О.М. Аношко в историческом центре Тобольска.

Описание объекта с частоколом и подземным ходом

Октябрьский раскоп площадью 204 м² был разбит прямо в котловане, вырытом строителями для отсыпки нового полотна проезжей части ул. Октябрьской (рис. 1). Поверхность раскопа представляла собой площадку, заваленную переотложенным грунтом, остатками старого асфальтового покрытия и прочим мусором вперемешку с черепками из глины, фарфора, фаянса, костями животных, обломками изразцов, фрагментами и целыми экземплярами кожаной обуви, железными гвоздями [Матвеев и др., 2008а, с. 138].

Судя по стратиграфическому разрезу зачищенного восточного борта дорожного котлована, культурный слой в этой части города был сложен из различавшихся по цвету и структуре напластований, достигавших почти трехметровой мощности. Верхние представлены серой с щебнем и коричневой с кирпичной крошкой супесями, первая из которых являлась остатками старой асфальтовой дороги XX в., а вторая — функционировавшей здесь в XIX в. Петропавловской улицы, переименованной в советское время в Октябрьскую. Под ними залегал известковый слой, содержащий в большом количестве обломки кирпича, связанный с периодом камен-

Октябрьский раскоп в Тобольске

ного строительства в Тобольске во второй половине XVIII в. Нижние отложения сложены из бурой и темно-коричневой супесей, обильно насыщенных древесным тленом, щепой и навозом, которые подстилал слой темно-серой погребенной почвы мощностью до 0,75 м. В северной части Октябрьского раскопа сохранился небольшой участок непо потревоженного культурного слоя, представленного темно-коричневым напластованием. В нем обнаружены три железных ножа, деревянная и берестяная утварь (ложка, туесок, крышки, две идентичные сплетенные солонки с носиками, лапоть), а также шахматная фигурка (пешка). Следует отметить, что здесь отсутствовали предметы, которые однозначно можно датировать XVIII–XIX вв.

Рис. 1. Расположение Октябрьского раскопа на верхнем посаде Тобольска.
Fig. 1. The location of the Oktyabrsky excavation on the upper posad of Tobolsk.

Деревянная стена, которая пересекала Октябрьский раскоп по диагонали, была расчищена на протяжении более 25 м, обнаружены остатки более 90 бревен (рис. 2, А). Их основная часть (76 ед.) имела вертикальное положение и фиксировалась в виде цепочки столбов, установленных на дно специально вырытой канавы. Еще 15 бревен найдены рядом с частоколом, при этом они лежали по разным сторонам либо были врыты в почвенный слой вплотную одно к другому в вертикальном положении с западной стороны перпендикулярно его направлению. Несколько столбов выворотили из грунта землеройные машины, которые вели работы по реконструкции улицы.

Канавы тына, ориентированная с юга на север, на одних участках имела отвесные стенки, на других — ступенчатые. Ее ширина на уровне материка варьировалась от 1 до 2 м, а глубина, замеренная от этого же уровня, — от 1,2 до 1,4 м. Учитывая мощность погребенной почвы, можно сделать вывод, что частокол был вкопан в грунт примерно на 2 м. В мешаном заполнении канавы обнаружены кости животных, обломки русской гончарной посуды, куски шерстяной ткани, войлока, кожаной обуви, костяной односторонний гребень, фрагменты железных однолезвийных ножей и ряд других предметов.

При строительстве частокола использовался сосновый лес. Все бревна были ошкурены, их диаметр варьировался от 20 до 40 см. Каждый столб имел паз, который позволял стыковать его с соседним. Нижние торцы большинства столбов представляли собой горизонтальные спилы и только у некоторых были обработаны топором и заострены в виде клина. Это обстоятельство свидетельствует, что при возведении тына мог использоваться не только новый строительный материал, но и элементы старых разобранных стен, установленные при вторичном использовании вверх ногами [Матвеев и др., 2008а, с. 132–133]. Данное предположение подтверждает обнаружение в стене еще одного бревна, отличавшегося от остальных конструктивными особенностями. Его нижняя часть с каждой из двух противоположных сторон ствола стесана на 7–8 см к центру и напоминает прямоугольный выступ или шип, ширина которого равняется диаметру бревна — 30 см, а толщина составляет примерно 15 см. В этом выступе проделано прямоугольное отверстие размерами 19х16 см [Там же, фото 12]. По мнению А.В. Матвеева, не исключено, что найденное бревно являлось нижней частью мачты парусного судна [Там же, с. 134–135]. В соответствии с судостроительной терминологией шип следовало бы именовать пяткой мачты или шпором, а гнездо, куда он вставлялся, — степсом. Сибирские летописи содержат упоминания об использовании деталей кораблей в городском строительстве [Сибирский летописный свод, 1987: Книга записная, с. 139, 142]. Однако найденный предмет мог служить когда-то и деталью фортификационной или какой-то иной городской постройки.

О высоте частокола можно судить по бревну, лежавшему вдоль стены, под темно-коричневой супесью на участке с уцелевшим культурным слоем (рис. 2, А). Один конец бревна имел плоский спил, а второй — заострен с двух сторон. Оно с продольным пазом, являлось полностью сохранившейся деталью частокола, впоследствии демонтированной. Так как длина этого бревна составляла 4,8 м, можно предположить, что высота тына над погребенной почвой достигала 3 м. Длина сохранившейся части остальных стоявших в канаве бревен не превышала 2,6 м. Рваные края их верхних торцов свидетельствуют, что в ходе последующей застройки города торчавшие над землей столбы тына были просто подрублены.

В Октябрьском раскопе вскрыт не только участок частокола, но и еще более уникальный археологический объект — подземный ход, начинавшийся с одной стороны стены и заканчивавшийся с другой (рис. 2, А, Б). Он оказался совсем небольшим по протяженности — его длина составила всего около 7 м (рис. 3, 1, 2). Два входа в горизонтальную штольню с одной и другой стороны бревенчатой стены были выявлены при зачистке темно-серой супеси (погребенной почвы) в виде коричневых мешаных пятен округлой формы. Разрез ям был конусовидным, диаметр их верхней части не превышал 1,4 м, придонной — 0,9 м, а глубина от уровня материка достигала 2,1 м. В заполнении входных шахт найдены кости животных, обломки русской гончарной посуды, обрезки кожи и войлока, другие предметы, в западной также обнаружены остатки лестницы, представленной вертикально стоявшей доской и несколькими горизонтально лежащими плахами-ступеньками длиной 30–40 см и шириной около 20 см. На дне этой же ямы лежали четыре берестяных колчана с комплектами стрел, от которых уцелели не только металлические наконечники, но и деревянные древки длиной до 80 см (рис. 3, 3). В самом подземелье найдено еще два колчана с древками (рис. 3, 2).

Колчаны открытого типа, без клапанов или крышек, сшиты из цельных кусков бересты, скрученных в полтора оборота. Два из них подпрямоугольной формы, длиной 50 см и шириной до 11 см, остальные — подтрапециевидные, длиной 50 и 80 см, с шириной устья 9 и 18 см и расширением книзу до 11 и 27 см. Два колчана длиной 52 и 100 см и шириной до 12 см, имеют более сложную конструкцию, состоящую из двух частей, одна из которых вставлялась в другую [Матвеев и др., 2008а, с. 138, 139]. Берестяные колчаны были распространены в Древней Руси и в среде тюркоязычных племен [Медведев, 1966]. Происходившие из футляров наконечники стрел являются черешковыми, однолопастными. По определению Н.М. Зинякова, по форме пера их можно подразделить на пять типов: листовые с уступом при переходе от пера к черешку (5 экз.); асимметрично-ромбические с уступом (5 экз.), с параболическим пером, переходящим посредством округлых плечиков в удлиненную или короткую шейку, с упором (4 экз.); с округлым лезвием, длинными сужающимися к черешку гранями, с уступом (1 экз.); бронебойные (противокольчужные) с уступом (3 экз.). Важный исторический вывод, сделанный исследователем в результате металлографического анализа наконечников стрел, заключается в том, что они были изготовлены одновременно и одним кузнецом на заказ, скорее всего непосредственно для их укрытия в тайном лазе [Зиняков, 2013, с. 98]. К тому же, несмотря на распространение

Октябрьский раскоп в Тобольске

огнестрельного оружия, лук и стрелы не утратили в этот период своего боевого значения из-за дешевизны и бесшумности в использовании.

Рис. 2. Октябрьский раскоп. Объект с частоколом и подземным ходом:
А — бревенчатая стена, пересекающая по диагонали ул. Октябрьская, на уровне материка;
Б — вид горизонтальной штольни подземного хода из входной шахты.
Fig. 2. The Oktyabrsky excavation. Object with wooden stockade and underground passage:
A — log wall at the level of the mainland; B — view of the horizontal adit of the underground passage.

Из нижней части шахты можно было попасть в подземную галерею, потолок и стены которой были забраны досками, поддерживавшимися невысокими опорами в виде вертикально установленных плах, толстых досок и бревнышек длиной чуть больше обычного полена (рис. 3, 1, 2). В процессе исследования подземного хода установлено, что, во-первых, при его сооружении использовался старый строительный материал; во-вторых, дощатое перекрытие подземелья

проходило чуть ниже основания бревенчатой стены; и, в-третьих, по горизонтальной штольне можно было передвигаться подиночке и ползком. На ее дне найдено железное тесло с деревянной рукоятью, оставленное здесь, видимо, для того, чтобы в случае просадки грунта у заваленных был шанс откопаться (рис. 3, 4).

По планиграфическим и стратиграфическим данным, объект с частоколом и подземным ходом — один из самых ранних в этой части города, функционировал в период накопления отложений, насыщенных органикой (древесным тленом, щепой, навозом), до появления известкового слоя с обломками битого кирпича, датированного нами серединой — второй половиной XVIII в.

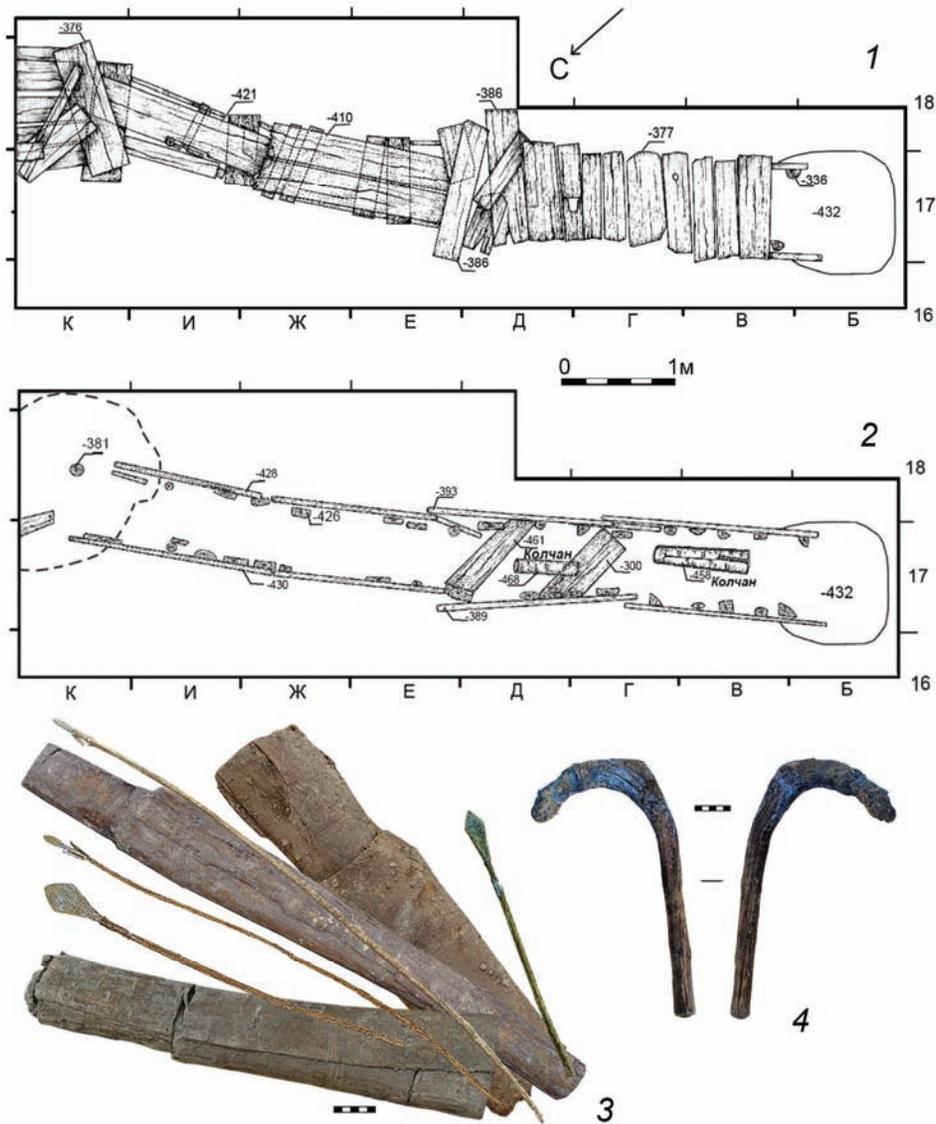

Рис. 3. Октябрьский раскоп. Остатки подземного хода и находки, связанные с ним:
 1 — план дощатого перекрытия подземного хода; 2 — план подземного хода после снятия перекрытия;
 3 — берестяные колчаны с древками и стрелами; 4 — железное тесло с деревянной рукоятью.
 Fig. 3. The Oktyabrsky excavation. Remains of the underground passage and finds associated with it:
 1 — plan of the overlap of the boards of the underground passage; 2 — plan of the underground passage after removal of the overlap; 3 — birch bark quivers with poles and arrows; 4 — iron adze with a wooden handle.

Дендрохронологическое и радиоуглеродное исследования

С целью датировки частоккола был проведен отбор образцов для дендрохронологического и радиоуглеродного анализов. В лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и

Октябрьский раскоп в Тобольске

животных УрО РАН В.М. Горячевым было исследовано около 40 спилов с бревен, извлеченных из канавы Октябрьского раскопа [Горячев, 2007]. Перекрестная датировка археологических деревьев с имеющимися древесно-кольцевыми хронологиями проводилась по дендрохронологическому ряду сосны, происходящей с припойменных участков междуречья Демьянки и Салыма. Данный район расположен примерно в 260 км к северо-востоку от Тобольска. Длительность этой древесно-кольцевой хронологии составляет 401 год (1601–2002 гг.), однако в ней отрезок 1601–1720 гг. обеспечен только двумя образцами, что не дает достаточной точности изменения ширины годичных слоев в этом интервале [Горячев, 2003]. Сравнение тобольских бревен с данной дендрохронологической шкалой позволило автору исследования считать, что наиболее вероятным временем строительства частокола являются 50–60-е гг. XVIII в. С.П. Арефьевым в Институте проблем освоения Севера СО РАН выполнено дендрохронологическое определение абсолютного возраста упоминавшегося ранее бревна с прямоугольным шипом в нижней части [Арефьев, 2007]. Ближайшими хронологиями для датировки им выбраны построенные С.Г. Шиятовым ряды 22 (1488–1970) и 30 (1469–1975) по сосне из долинных курумов хребта Таганай и массива Ирмель на Южном Урале [Шиятов, 1986]. По мнению эксперта, данное дерево начало расти приблизительно в 1480 г. и было срублено в промежутке 1610–1620 гг. Противоречивые результаты изучения тобольской древесины обусловлены отсутствием дендрохронологического ряда по сосне из района раскопок. Для получения региональной древесно-кольцевой хронологии необходимо провести сбор образцов древесины с ныне растущих деревьев и со старых строений в Тобольске и близлежащих деревнях и поселках.

По целлюлозе из шести образцов бревен частокола канд. геол.-мин. наук Л.А. Орловой в Институте геологии и минералогии СО РАН получены радиоуглеродные даты: 310 ± 45 (СОАН-7359), 290 ± 35 (СОАН-7360), 280 ± 35 (СОАН-7361), 295 ± 35 (СОАН-7362), 310 ± 40 (СОАН-7363) и 360 ± 40 (СОАН-7364) л.н. Их калибровка в программе OxCal v.4.3 показала совокупный интервал 1460–1670 гг. с вероятностью 95,4 %. При интерпретации этих дат необходимо учитывать, что они включают возраст самого дерева, при этом их верхняя граница, скорее всего, свидетельствует о моменте его рубки, т.е. соответствует 60–70-м гг. XVII в.

Историческая интерпретация

При идентификации обнаруженного на ул. Октябрьской частокола с одним из тех исторических объектов, что упоминаются в письменных источниках, нами учитывались два факта: местонахождение бревенчатой стены на территории верхнего посада и то, что она выполняла оградительные функции. Обратившись к материалам по русской деревянной фортификации городов и острогов Сибири, мы установили, что оборонительные сооружения имели разную конструкцию. Тыновое устройство укреплений по археологическим данным было характерно для Албазинского [Артемьев, 1999], Братского [Никитин, 1961], Верхотурского [Корчагин, 2001], Умривинского [Бородовский, Горохов, 2008] острогов и Тарской крепости [Татауров, 2018]. Ярким примером реконструкции срубных укреплений в ходе археологических исследований являются раскопки Мангазеи [Белов, Овсянников, Старков, 1980], Томска [Черная, 2002], Саянского [Скобелев, 2013] и Чаусского [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 45, 46] острогов.

Исходя из вышесказанного не удивительно, что тыновую конструкцию стены из Октябрьского раскопа первоначально мы отождествили с остатками острога, защищавшего город от нападений, неоднократно перестраивавшегося и переносившегося с одного места на другое [Матвеев и др., 2007]. Для идентификации исследованного на ул. Октябрьской частокола с одной из линий обороны обратимся к летописным и картографическим источникам.

Тобольск времен Даниила Чулкова уже имел какие-то укрепления, но о их характере по летописным текстам судить невозможно, в них сохранились лишь намеки на существование городских стен. Тем не менее отождествлять остатки обнаруженного тына со стеной «ладейного города», срубленного из «судового» леса, думается, нет оснований, поскольку он должен был находиться значительно южнее и ближе к краю Троицкого мыса. Также известно о переносе «ладейного города» в 1599–1600 гг. из восточной в западную часть Троицкого мыса и строительстве на этом месте в 1605–1606 гг. нового «из бревен рубленного города» [Сибирский летописный свод, 1987: Книга записная, с. 140–143; Академическая редакция, с. 369, 370]. Острожная стена начала XVII в. представляла собой частокол с Пермской и Казачьей башнями на одноименных взвозах [Кочедамов, 1963, с. 10–12, рис. 2]. Однако в ночь с 13 на 14 августа 1643 г., при первом общетобольском пожаре, этот частокол, как и большинство других городских строений, сгорел.

По данным В.И. Кочедамова, после пожара острожная стена была отнесена в напольную сторону почти на 500 м [1963, с. 12, 13]. На пепелище с 1644 г. был возведен 10-башенный деревянный город. Едва ли не все редакции Сибирского летописного свода упоминают о сооружении в 1660–1661 гг. новой острожной стены «кругом всего посаду» [Сибирский летописный свод, 1987: Головинская редакция, с. 205; Нарышкинская редакция, с. 275; Томский вид, с. 326; Шлёцеровская редакция, с. 349; Академическая редакция, с. 373]. Не ранее 1672 г. эта стена была показана на плане Тобольска, включенном в летопись Ивана Черепанова [Кочедамов, 1963, с. 16, 17, рис. 3]. Судя по этому чертежу, острожная стена 60–70-х гг. XVII в. находилась значительно дальше в сторону «поля», чем исследованный нами частокол. Этот острог простоял более 30 лет и сгорел 29 мая 1677 г. при втором пожаре, который охватил фактически весь Тобольск [Сибирский летописный свод, 1987: Головинская редакция, с. 212]. К концу октября следующего года городские и посадские укрепления были восстановлены, но просуществовала эта линия обороны совсем недолго, так как погибла при третьем, особо разрушительном пожаре 7 августа 1680 г.

29 апреля 1688 г. в Тобольске началось очередное строительство не просто новых, а самых грандиозных в его истории укреплений. Сообщения об этом сохранились фактически во всех редакциях, видах и списках Сибирского летописного свода, а наиболее полные — в Головинской редакции [1987, с. 226, 227]. К этому времени город разросся, на самом сложном для обороны участке — «по полю» от Иртыша до Курдюмки — возвели не частокол, а земляной вал со рвом. По этой же линии были построены четыре башни — Наугольная, Воскресенская, Троицкая и Петропавловская. Со стороны иртышского крутояра ни город, ни посад не были ничем защищены, а со стороны Курдюмки, врез которой был не таким глубоким, пришлось ставить бревенчатый частокол. Данные фортификационные сооружения легли в основу ремезовских планов Тобольска. Первый из них был составлен в 1688 г. и вошел в «Хорографическую чертежную книгу» [2011, л. 161, 163 об.]; второй — не позднее 1701 г. в «Чертежной книге Сибири» [2003, л. 3 об.–4] и третий, относящийся к 1714 г., в «Служебной чертежной книге» [2006, л. 18 об.–19]. На каждом из них показан длинный частокол, прикрывающий посад с восточной стороны и соединяющий земляной вал со стенами Софийского двора. Его локализация на данных чертежах не позволяет соотнести самую позднюю линию обороны с объектом, исследованным нами в 2007 г. в глубине территории верхнего тобольского посада, а не на его окраине.

Для трассировки разновременных оборонительных линий рассмотрен дорегулярный геодезический план Тобольска 1763 г., демонстрирующий особенности его застройки до кардинальных планировочных изменений. На этом плане видно, что сеть улиц и расположение кварталов исторически сложились под влиянием локализации и конфигурации деревянных острожных укреплений. Основываясь на этом предположении, по начертанию поперечных улиц между кромкой оврагов р. Курдюмки и крутым берегом Иртыша мы определили основные этапы роста города в сторону «поля» и соответственно границы сменявших друг друга линий обороны, при пересечении которых с главными улицами четко фиксируются места расположения проезжих башен острога. План 1763 г. был привязан к топографии города, ландшафтные особенности нагорной части которого являются достаточно стабильным элементом городской подосновы. В результате на современную топографическую съемку нами нанесена наиболее вероятная схема развития укреплений Тобольска, уточнено местонахождение его острожных стен и башен XVII в., а также установлено, что некоторые фрагменты современной застройки, особенно на участках вблизи оврагов поймы р. Курдюмки, сохранили начертание улиц XVII в. (рис. 4).

Таким образом, локализация укреплений начала XVII в. допускает соотнесение с ними остатков тына, обнаруженного на ул. Октябрьской. В этом случае проходивший под ним подземный ход можно считать слуховой галереей, оберегавшей фортификации от подкопов со стороны противника, либо лазом для тайного забора воды в случае осады. В XVI–XVII вв. потаенные выходы и водозаборные тайники существовали почти во всех крепостях и острогах Московского государства [Белоусова, 1997, с. 33]. Однако данная версия исторической интерпретации частоккола с Октябрьского раскопа имеет ряд противоречий. Во-первых, из Книги записной Сибирского летописного свода следует, что в ночь с 13 на 14 августа 1643 г. «сгорел город Тобольск и приказ, и соборная и приходские церкви, и Софийский и святительский двор, и воеводские и гостин двор, и ряды, и *острог весь*, и мирские дворы на горе все, кроме Девичья монастыря и позади ево дворов мирских...» [1987, с. 154]. Тем не менее в ходе расчистки бревенчатой стены следов пожара не зафиксировано. Во-вторых, ее конструкция отличается от устройства ост-

Октябрьский раскоп в Тобольске

рожных укреплений, исследованных нами на соседнем Троицкому мысу Чукман в 2008–2009 гг. [Матвеев и др., 2012]. Здесь ранние фортификации представлены узкими и неглубокими канавками с древесным тленом от столбов, диаметр которых не превышал 20–25 см, а самая поздняя оборонительная линия (1688 г.) — тыновой стеной, в глубокой канаве, с помостом. В третьих, как уже отмечалось, по радиоуглеродным определениям изученный нами частокол следует датировать не первой, а второй половиной XVII в.

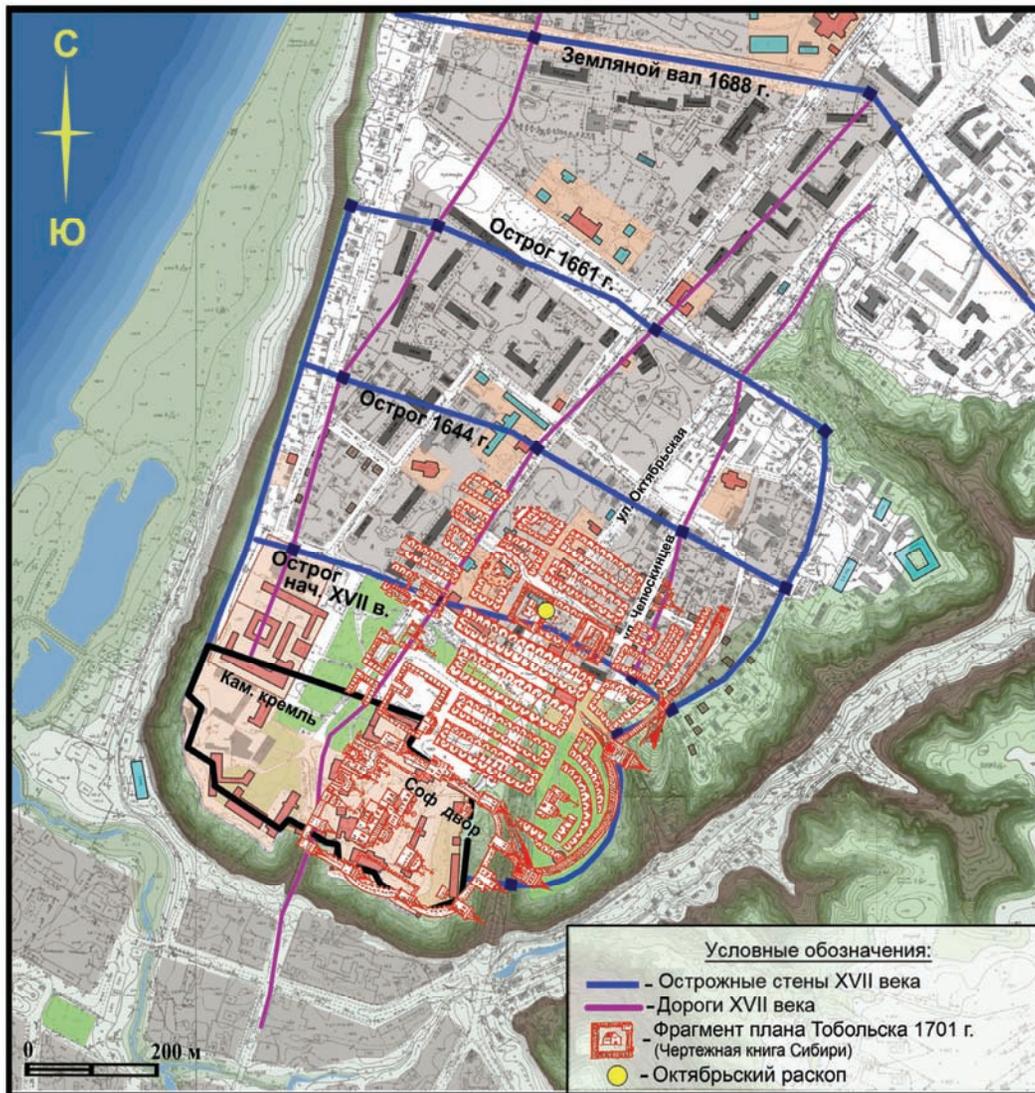

Рис. 4. Схема оборонительных укреплений Тобольска XVII в., соотнесение Октябрьского раскопа с фрагментом ремезовского чертежа 1701 г. на историко-архитектурном опорном плане нагорной части (топографическая съемка 2006 г.).

Fig. 4. Scheme of defensive fortifications of Tobolsk of the 17th century, correlation of the October excavation with a fragment of the Remezov drawing of 1701 on the historical and architectural plan of the upland part (topographic survey of 2006).

Эти несоответствия заставили подвергнуть сомнению аргументацию отождествления объекта Октябрьского раскопа с остатками острожных укреплений и привели к поиску новых путей решения проблемы его происхождения. Именно тогда А.В. Матвеев утвердился в мысли, что обнаруженную стену можно соотносить не с какой-либо из перестроек линий обороны, а с показанным на поздних чертежах С.У. Ремезова безымянным сооружением, которое находилось в центральной части Троицкого мыса и было обнесено замкнутой прямоугольной оградой из частокола [Матвеев и др., 2008b, 2011].

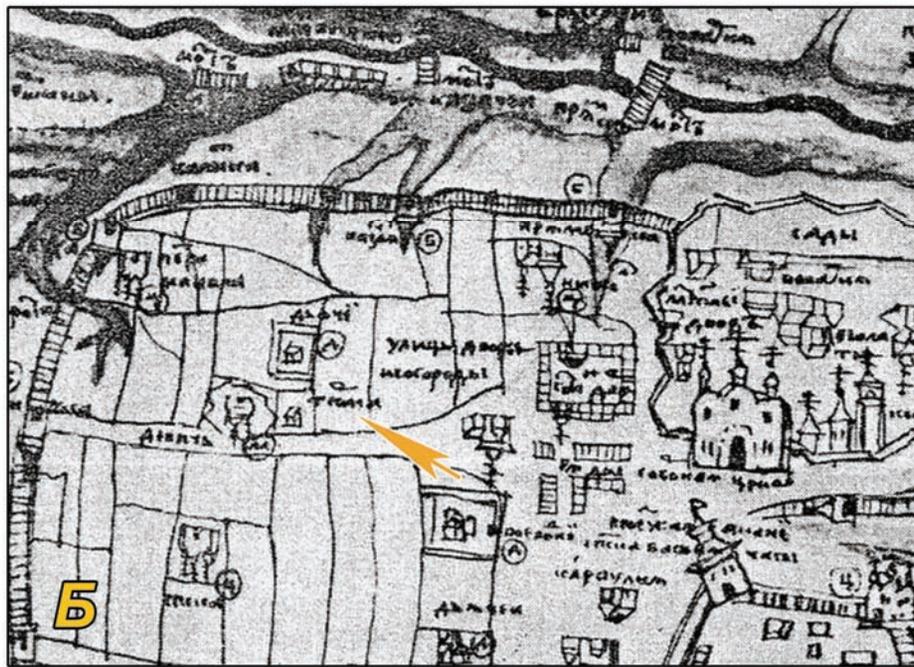
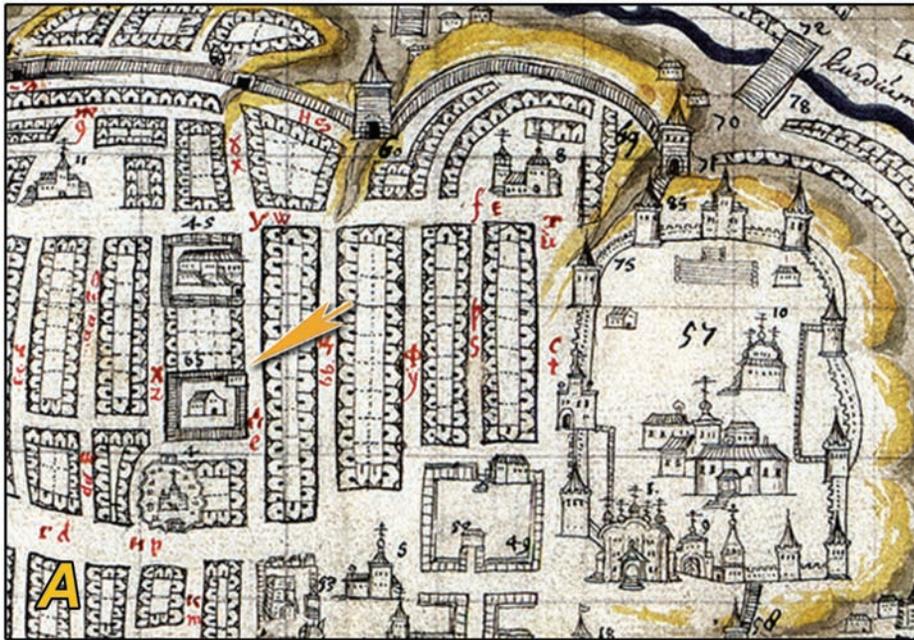

Рис. 5. Планы Тобольска, составленные С.У. Ремезовым:

- А — фрагмент плана 1701 г. из «Чертежной книги Сибири»;
 - Б — фрагмент плана 1687 г. из «Хорографической чертежной книги».
- Fig. 3. The Tobolsk's plans, compiled by S.U. Remezov:
A — a fragment of the plan of 1701 from the «Drawing book of Siberia»;
B — a fragment of the plan of 1687 from the «Chorographic drawing book».

Судя по чертежу 1701 г., вышеупомянутое сооружение находилось напротив Большого и Малого Казачьих взвозов, к востоку от церкви Успенского девичьего монастыря и западнее приказа конных казаков (рис. 5, А). Последний тоже изображен на плане как прямоугольный застроенный участок, обнесенный деревянной стеной, но не частokoлом, а из горизонтально уложенных бревен. На плане 1714 г., который не изобилует деталями, а показывает расположение

Октябрьский раскоп в Тобольске

только самых важных построек, интересующий нас объект локализован просто рядом с Успенским монастырем. При адаптации чертежа 1701 г. к современной топографии Тобольска нами учитывались: во-первых, особенности русской чертежной школы XVI–XVII вв., которые заключались в применении плоскостного приема изображения, когда размеры удаленных от зрителей сооружений не уменьшались [Черная, 2002, с. 113]; во-вторых, локализация кремля, Софийского собора и гостиного двора, являющихся узлами градостроительной композиции, стабильными во времени элементами застройки, независимо от поздних перестроек; в-третьих, уникальность ландшафта, отраженная на всех известных планах города, разделенного на нижнюю и нагорную части, с глубокими оврагами, исторически обозначенными Никольским, Большим и Малым Казачьими, Прямым взвозами. В результате установлено, что по своему местоположению сооружение, показанное на поздних ремезовских чертежах рядом с Успенским девичьим монастырем, довольно точно соответствует остаткам стены, обнаруженной на ул. Октябрьской, а приказ конных казаков, наоборот, примыкает к ул. Челюскинцев (рис. 4).

Однако ответить на вопрос, что это за сооружение, планы 1701 и 1714 гг. не позволяют, хотя на первом из них буквами и цифрами обозначены и главные тобольские улицы, и многие постройки. Окруженный частоколом объект получил порядковый номер 65 (рис. 5, А). На чертеже этим номером С.У. Ремезов обозначил не только его, но и одну из башен северной оборонительной линии — Воскресенскую, вместе с находящейся при ней караульной избой. В экспликации же 65-й номер был расшифрован однозначно: «Башня Воскресенская с Караульной» [Чертежная книга Сибири, 2003, с. 46]. При этом интерпретировать обнесенный тыном участок посадского квартала как какую-то караульную постройку нет оснований. Последние, судя по тому же плану, находились именно при башнях. Не исключено, что на ремезовском плане Тобольска 1701 г. есть и другие неувязки с нумерацией строений. Помочь в идентификации обнаруженной при раскопках бревенчатой стены могут только планы из «Хорографической чертежной книги», на которых она также была обозначена. На плане 1687 г. рядом с ней помещена надпись «тюрма» (рис. 5, Б), на плане 1688 г. — «тюрем двор» [2011, л. 161, 163 об.]. Судя по технике прорисовки С.У. Ремезовым стен, дьячий двор, располагавшийся на ранних чертежах восточнее тюремного, как и приказ конных казаков — на поздних планах, имел срубную конструкцию, изображенную в виде белой незаполненной полосы.

Таким образом, изучение ранних ремезовских чертежей Тобольска привело нас к заключению, что сооружение Октябрьского раскопа являлось тюремным двором. Сказанное, причем, разумеется, в виде гипотезы, позволяет датировать обнаруженный объект 1687 г., не исключено, что и более ранним временем. Он мог функционировать позднее 1714 г., а судя по стратиграфическим и планиграфическим наблюдениям, сделанным на площади Октябрьского раскопа, — до периода каменного строительства на территории верхнего посада. Такой вывод не противоречит и радиоуглеродным определениям. Отсутствие артефактов, однозначно свидетельствующих о нахождении здесь тюрьмы, можно объяснить тем, что превалирующая часть находок была утрачена в ходе дорожных работ на ул. Октябрьской, а также тем, что нами исследована только часть ограды, а остатки самого строения, вероятнее всего, скрыты плотной современной застройкой. При каких обстоятельствах и когда именно под тюремной стеной мог быть сооружен потайной лаз — ответы на эти вопросы следует искать в чисто исторических источниках. Приведем лишь ряд примеров. В августе 1668 г. доведенные до отчаяния старообрядцы пытались бежать, устроив подкоп из тюрьмы в острог, но неудачно [Шашков, 2005, с. 128]. Наибольшую известность приобрел побег непримиримого старообрядца Ефрема, устроенный в 30-х гг. XVIII в. заводским управляющим Родионом Набатовым, подкупившим конвойных [Покровский, 2005, с. 74–75].

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400150-2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арефьев С.П. Дендрохронологическая датировка ископаемого ствола сосны (раскопки в Тобольске). Тюмень, 2007.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1999. 335 с.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. 164 с. Ч. 1.

Белюсова Т.М. Тайны подземной Москвы. М.: Моск. рабочий, 1997. 234 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. 2008. С. 70–82.

Горячев В.М. Использование остатков древесины «Надымского городища» для построения длительных хронологий и реконструкции температурных условий // Экология древних и современных обществ: Доклады конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 30–33.

Горячев В.М. Отчет о научно-исследовательской работе «Определение вида древесных растений и датировка остатков древесины, полученной экспедицией Тюменского государственного университета при раскопках в г. Тобольске». Екатеринбург, 2007. 33 с.

Зиняков Н.М. Археометаллографическое исследование коллекции из подземного хода на территории Тобольского Посада // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. Вып. 5. 2013. С. 87–99.

Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 177 с.

Кочедамов В.И. Тобольск: (Как рос и строился город). Тюмень: Тюм. книж. изд-во, 1963. 155 с.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Клименко А.И. Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // АВ ORIGINE: Археол.-этногр. сборник ТюмГУ. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 76–91.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Основные итоги археологического изучения верхнего посада Тобольска в 2007–2009 гг. // Вестник ТюмГУ. 2011. № 2. С. 6–11.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Селиверстова Т.В., Сомова М.А., Бормотина Ю.В. Предварительные результаты первого года раскопок археологической экспедиции Тюменского университета в Тобольске // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Три Т, 2008а. Вып. 2. С. 114–149.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А. Аварийно-спасательные раскопки на территории кремля и гостиного двора в г. Тобольске // XIX Словоцковские чтения: Материалы Всерос. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. С. 145–147.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В. Исследование объекта с частоколом и подземным ходом на территории Тобольского посада // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Апельсин, 2008b. С. 115–127.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. М.: Наука, 1966. Вып. Е1-36. 184 с.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области: Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск: Наука, 1996. Вып. 2. 191 с.

Никитин А.В. Братский острог // СА. 1961. № 2. С. 213–226.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск: Сова, 2005. 344 с.

Сибирский летописный свод: Академическая редакция // Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 356–379. (Полное собрание русских летописей; Т. 36).

Сибирский летописный свод: Головинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 177–231. (Полное собрание русских летописей; Т. 36).

Сибирский летописный свод: Книга Записная // Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 138–177. (Полное собрание русских летописей; Т. 36).

Сибирский летописный свод: Нарышкинская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 231–293. (Полное собрание русских летописей; Т. 36).

Сибирский летописный свод: Томский вид // Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 301–343. (Полное собрание русских летописей; Т. 36).

Сибирский летописный свод: Шлёцеровская редакция // Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. С. 345–356. (Полное собрание русских летописей; Т. 36).

Скобелев С.Г. Башни Саянского острога (по данным археологии) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 13: Археология и этнография. С. 224–235.

Служебная чертежная книга: В 2 т. Т. 1: Факсимильное изд. рукописи Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Тобольск, 2006. 334 с.

Татауров С.Ф. Город Тара как исторический и археологический феномен среди русских городов Сибири // Вагановские чтения: Материалы IX регион. науч.-практ. конф., посвященной 425-летию города Тары. Омск: Амфора, 2018. С. 142–148.

Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова: В 2 т. Т. 1 / Факсимильное изд. рукописи Houghton Library of the Harvard College Library Harvard University. Тобольск, 2011. 350 с.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII — XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 187 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.: В 2 т. Т. 1: Факсимильное изд. М.: Картография, 2003. 102 с.

Шашков А.Т. Сибирские старожилы второй половины 70 — 80-х гг. XVII в. и Тарский бунт 1722 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2005. Вып. 6. С. 126–137.

Шиятов С.Г. Дендрохронология верхней границы леса на Урале. М.: Наука, 1986. 137 с.

EXCAVATION SITE IN OKTYABRSKAYA STREET (TOBOLSK)

The article gives a historical interpretation of a stakewall with an underground passageway found in the central part of the upper posad drawing on the materials from the excavation site in Oktyabrskaya Street (204 m²). The thick log wall consisted of vertical posts erected at the bottom of a specially dug ditch. The underground passageway constituted a manway, starting on one side of the stakewall and ending on the other. Its ceiling and walls were covered with planks supported by low half-logs, thick planks and small logs. The plank ceiling of the underground tunnel was just below the base of the log wall, with the horizontal adit being so small that one could only crawl through it. In order to determine the absolute age of the stakewall, we carried out the dendrochronological and radiocarbon studies of its logs. For the purpose of identifying this object with one of those mentioned in written sources, we reconstructed the history of fortification construction and localisation by performing a detailed analysis of historical data and all known plans of the city. As a result, it was established that the wall found during the excavation in terms of its location and orientation better correlates with the building shown on S.U. Remezov's plans, which was located in the central part of Trinity Cape and surrounded by a rectangular stakewall, rather than with the posad fortifications. On the plans of 1687 and 1688 from the Chorographic Drawing Book, the object in question was captioned as 'prison' and 'prison yard'. This assumption allows us to date the log wall discovered in Oktyabrskaya Street at 1687, or, quite possibly, at an earlier time. This prison yard fence could be used after 1714 and, judging by the stratigraphic and planigraphic observations made at the excavation site in Oktyabrskaya Street, until the period of stone construction in the upper posad.

Key words: Tobolsk, the upper posad, the 17th–18th centuries, wooden stockade, underground passageway, prison yard.

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400150-2.

REFERENCES

- Aref'ev S.P. (2007). *Dendrochronological dating of a fossil pine trunk (the excavations in Tobolsk)*. Tiumen'. (Rus.).
- Artem'ev A.R. (1999). *Cities and fortresses of Transbaikalia and Amur Region in the second half of the 17th–18th centuries*. Vladivostok: In-t istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka. (Rus.).
- Belousova T.M. (1997). *Secrets of underground Moscow*. M.: Mosk. rabochii. (Rus.).
- Belov M.I., Ovsiannikov O.V., Starkov V.F. (1980). *Mangazeya. Mangazeyzsky sea passage. Part 1*. Leningrad. (Rus.).
- Borodovskii A.P., Gorokhov S.V. (2008). Defensive structures of the Umrevinsky prison (archaeological research 2002–2004). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, (4), 70–82. (Rus.).
- Chernaia M.P. (2002). *Tomsk Kremlin, mid-17th — 18th centuries: Problems of reconstruction and historical interpretation*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).
- Goriachev V.M. (2003). Using the remnants of the wood of the Nadym settlement for building long chronologies and reconstructing temperature conditions. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv*, (2), 30–33. Tiumen': Izd-vo IPOS SO RAN. (Rus.).
- Goriachev V.M. (2007). *Determination of the type of woody plants and dating of wood residues obtained by the expedition of the Tyumen State University during excavations in the city of Tobolsk*. Ekaterinburg. (Rus.).
- Korchagin P.A. (2001). *History of Verkhoturye (1598–1926)*. Patterns of socio-economic development and folding of the architectural and historical environment of the city. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii. (Rus.).
- Kochedamov V.I. (1963). *Tobolsk: How the city grew and was built*. Tiumen': Tiumenskaia kniga. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M., Klimenko A.I. (2012). The remains of the old Tobolsk fortifications at the Chukman cape. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik TiumGU*, (4), 76–91. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M., Seliverstova T.V. The main results of archaeological research of the upper suburb of Tobolsk in 2007–2009. *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), 6–11. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M., Seliverstova T.V., Somova M.A., Bormotina Iu.V. (2008a). Preliminary results of the first year of excavations of the archaeological expedition of the Tyumen University in Tobolsk. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik TiumGU*, (2), 114–149. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M., Somova M.A. (2007). The rescue excavations on the territory of the Kremlin and the guest house in Tobolsk. In: *XIX Slovtsovskie chteniia: Materialy Vserossiiskoi konf.* (pp. 145–147). Tiumen': Izd-vo TiumGU. (Rus.).
- Matveev A.V., Anoshko O.M., Somova M.A., Seliverstova T.V. (2008b). Study of the object with a picket fence and underground passage in the territory of the Tobolsk Garden. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh* (pp. 115–127). Omsk: Apel'sin. (Rus.).
- Medvedev A.F. (1966). Hand throwing weapons (bow and arrows, crossbow) of the 8th–14th centuries. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, (E1-36). (Rus.).

- Molodin V.I., Borodovskii A.P., Troitskaia T.N. (1996). *Archaeological sites of the Kolyvan district of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Nikitin A.V. (1961). Bratskiy ostrog. *Sovetskaia arkheologija*, (2), 213–226. (Rus.).
- Okladnikov A.P., Rybakov B.A. (Eds.) (1987). The Siberian chronicle: Academic edition. In: *Sibirskie letopisi. Chast' 1: Gruppy Esipovskoi letopisi* (pp. 356–379). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Okladnikov A.P., Rybakov B.A. (Eds.) (1987). The Siberian chronicle: Golovinskiy edition. In: *Sibirskie letopisi. Chast' 1: Gruppy Esipovskoi letopisi* (pp. 177–231). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Okladnikov A.P., Rybakov B.A. (Eds.) (1987). The Siberian chronicle: Naryshkin edition. In: *Sibirskie letopisi. Chast' 1: Gruppy Esipovskoi letopisi* (pp. 231–293). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Okladnikov A.P., Rybakov B.A. (Eds.) (1987). The Siberian chronicle: Schlotser edition. In: *Sibirskie letopisi. Chast' 1: Gruppy Esipovskoi letopisi* (pp. 345–356). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Okladnikov A.P., Rybakov B.A. (Eds.) (1987). The Siberian chronicle: The Notebook. In: *Sibirskie letopisi. Chast' 1: Gruppy Esipovskoi letopisi* (pp. 138–177). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Okladnikov A.P., Rybakov B.A. (Eds.) (1987). The Siberian chronicle: Tomsk view. In: *Sibirskie letopisi. Chast' 1: Gruppy Esipovskoi letopisi* (pp. 301–343). Moscow: Nauka. (Rus.).
- Pokrovskii N.N. (2005). *Traveling for rare books*. Novosibirsk: Sova. (Rus.).
- Remezov S.U. (2003). *Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son of the boyar Semyon Remezov in 1701*, 1. Tobol'sk. (Rus.).
- Remezov S.U. (2006). *Service drawing book*, 1. Tobol'sk. (Rus.).
- Remezov S.U. (2011). *Chorographic drawing book of Siberia by S.U. Remezov*, 1. Moscow: Kartografiia. (Rus.).
- Skobelev S.G. (2013). Towers of the Sayan prison (according to archeology). *Vestnik NGU. Seriya Istorii i filologija*, 12(13), 224–235. (Rus.).
- Shashkov A.T. Siberian Old Believers of the second half of the 70 — 80s. 17th century and Tars riot of 1722. *Problemy istorii Rossii*, (6), 126–137. Ekaterinburg: Volot. (Rus.).
- Shiatov S.G. (1986). *Dendrochronology of the upper forest boundary in the Urals*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Tataurov S.F. (2018). The city of Tara as a historical and archaeological phenomenon among the Russian cities of Siberia. In: *Vaganovskie chteniia: Materialy IX regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvishchennoi 425-letiiu goroda Tary* (pp. 142–148). Omsk: Amfora. (Rus.).
- Ziniakov N.M. (2013). Archaeometallographic study of a collection from an underground passage in the territory of the Tobolsk Posad. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik TiumGU*, (5), 87–99. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 16.09.2019

Accepted: 30.09.2019

Article is published: 30.12.2019